

над душой переходных поколений»¹³, и констатируя начавшийся в интеллигентском сознании «кризис индивидуализма», Иванов предвидит сближение ныне разобщенных сил образованного меньшинства и массы, преодоление «трагикки разрыва» поэта и народа, расцвет всенародного искусства. Разумеется, гармонию «с началом вселенским» личность обретает, по Иванову, отнюдь не на путях освободительной политической борьбы, но в лоне религиозной общности, соборности, единения «в духе». Реальные сдвиги, увиденные поэтом в социальной психологии революционного времени, получают у него сугубо утопическую интерпретацию. Но настойчивая проповедь даже такого идеалистически понятого коллективизма не прошла бесследно в процессе преодоления декадентства, к которому побуждала символистов сама действительность. Наступление на индивидуализм, предпринятое Ивановым на разных флангах символистской мысли (в литературной и театральной критике, искусствознании, эстетике) сыграло известную роль в стремлении наиболее чутких к зову жизни художников его круга сбросить иго «уединенного сознания» — при всех несогласиях Брюсова, Блока или Городецкого с конечными — теургическими — выводами Иванова¹⁴.

Как художественная структура цикл «Солнце-сердце» представляет собой тему с вариациями. Она выступает то в одежде мифа («Сердце Диониса»), то переносится в интимно-психологический план («Assai palpitasti!»)¹⁵, то разворачивается в «космических» декорациях, напоминающих строем своей символики и «расплавами» цвета иные полотна Рериха¹⁶. Поэт всячески разнообразит метафоры своей идеи, меняет формы ее выражения; он варьирует строфику, метрику, ритмы. Тема «солнечности» сердца и «сердечности» солнца слышится в возгласах античного хора, в органичных звучаниях псалма, в повторах и ассонансах газеллы. На этом пышном фоне выделяется своей простотой и искренностью рассказ об одном раннем сердце¹⁷. «Довольно ты билось!» — возглас душевной усталости героя, чье сердце «пресыщено смертными разлуками», чье счастье «вьюгами расхищено». Но даже «на смерть пораженное», сердце не сдаётся. Как и прежде, оно содрогается «благодарностью и жалостью» к себе подобным, исполняя «солнечный» завет. Личное несчастье не отрывает человека от страданий мира, говорит Иванов, а приближает к ним: сердце «бедное», перестрадавшее — это «солнце богатое», «радостно-распятое, горестно победное!». Героизм преодоления, оптимистическая трагедийность остается нравственной нормой для поэта, идет ли речь о судьбах страны в «годину гнева» или о драме отдельной человеческой жизни.

¹³ Вячеслав Иванов. По звездам, с. 98.

¹⁴ Антидекадентский пафос Иванова не исключал, однако, некоей «личной» дани декадентству, которую он платил как поэт — например, в иных страницах своей любовной лирики с их «душным эротизмом» (Блок).

¹⁵ «Довольно ты билось!» (итал.)

¹⁶ В умонастроениях Н. Рериха, чье творчество 900—910-х годов развивалось в русле символизма, есть ряд схождений с идеями Иванова. Таковы программный антииндивидуализм и отрицание декадентства, пафос «прития» мира, «светлого Да» («Берегитесь утверждать „Я“ и „Нет“», — писал художник). Осуждая натурализм, импрессионизм, Рерих подобно Иванову звал к творчеству «большого стиля». Оба развивали символистскую утопию о жизнестроительной роли искусства. Знание русской духовной культуры для Рериха — «стобашенный кремль солнценосцев» (Рерих Н. Из литературного наследия. М., 1974, с. 197); у Иванова художник — «огненосец», и «солнечная лира» поэта «строит» мир. Свои мистические устремления Рерих, как и Иванов, выражал языком мифа. Стихотворения Рериха, говорящие о его духовном пути (в сб. «Цветы Морий», 1921), типологически родственны лирике ивановских «Кормчих звезд».

¹⁷ Это стихотворение, «Assai palpitasti!», с эпиграфом из Д. Леопарди, было написано Ивановым, по-видимому, после смерти жены, Л. Зиновьевой-Аннибал, в 1907 г. Оно примечательно как обращение Иванова к интимно-психологической лирике, лучшие образцы которой вошли в следующий по времени сборник поэта («Нежная тайна», 1912).